

Жизнь vs любовь: история Русалочки

[Статьи / Отношения с противоположным полом](#)

От автора: Олифинович, Н.И., Г.И. Малейчук, Г.И. Репарация и самовосстановление: от симбиоза к сепарации // Журнал практической психологии и психоанализа. Ежеквартальный научно-практический журнал электронных публикаций. – 2009 г. – № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/pap.php?id=20090206>.

Репарация и самовосстановление: от симбиоза к сепарации

Наталья Ивановна Олифинович ,

Геннадий Иванович Малейчук

Для того, чтобы прийти к согласию с Запретным и Невозможным, нужен каждый раз процесс оплакивания, причем такой, который возместил бы то, на что оставлена надежда.

Н. Макдугалл

Раннее развитие Я

Кто мы такие? Почему мы такие, какие есть? Можем ли мы измениться? Эти вопросы рано или поздно задает себе каждый человек. Талантливый психоаналитик Н. Мак-Дугалл сравнивает наше Я с внутренним театром, в котором действуют различные персонажи, зачастую неизвестные друг другу, иногда враждующие между собой. Их актуализация может вызвать у нас недоумение, гнев, страх, соматические проявления. Эти «персонажи» – окаменелые слепки нашего собственного Я, относящиеся к событиям прошлого. Повторяющиеся действия, актуальные конфликты базируются на сценариях, которые «были написаны годы назад наивным детским Я, боровшимся за выживание во взрослом мире... Эти психические пьесы могут исполняться в театре нашей души или тела, могут разыгрываться во внешнем мире, иногда захватывая души и тела других людей, а то и общественные институты, в качестве сцены» (Макдугалл, 2002, с. 4).

Самые древние, самые архаичные слои нашей психики основаны на событиях, которые происходят в первые годы жизни. Это аксиома, которой придерживаются сторонники психодинамического направления психотерапии. Ставшие классическими труды Д. Винникота о воздействии взаимоотношений с матерью на развитие младенца, исследования Дж. Боулби о влиянии раннего окружения на формирование невроза и невротического характера, работы М. Кляйн и А. Фрейд по анализу развития детей в первые годы жизни показывают, что неудачи в разрешении ранних конфликтов между любовью и ненавистью имеют далеко идущие последствия для благополучия ребенка. Именно значимые другие, семейное или замещающее социальное окружение создают ту среду, которая либо поддерживает развитие различных структурных элементов self, либо травмирует хрупкую детскую психику.

В данной статье наше внимание было сконцентрировано на проблеме, связанной с ранним развитием в условиях дефицита любви и эмпатии. Так, обычно заботы о младенце берет на себя мать, отношения с которой являются основой для последующего понимания ребенком себя, своих чувств и желаний. Анализируя истории жизни клиентов, мы зачастую сталкиваемся либо с депривацией, либо с неспособностью родителей удовлетворить потребности ребенка. Здесь речь идет не об удовлетворении биологических потребностей, которые чаще всего обеспечиваются окружением, а о потребностях, связанных с контактом, близостью, установлением взаимоотношений. Маленький ребенок «не столько сфокусирован на получении материнского молока, сколько на восприятии заботы о самом себе и чувстве теплоты и привязанности» (Макс-Вильямс, 1998, с. 50).

В фокус нашего анализа мы поместили сказку Г.Х. Андерсена «Русалочка». По мотивам этой сказки создан ряд анимационных и художественных фильмов. Эта печальная история не оставляет равнодушным ни читателя, ни зрителя. «Русалочка» – яркая иллюстрация тезиса о том, что дефицит, возникающий в ранних взаимоотношениях со значимыми людьми, человек пытается восполнить в течение всей последующей жизни.

Наиболее серьезные случаи личностной патологии возникают из-за нарушений взаимоотношений мать-ребенок на ранних этапах развития. Согласно гипотезе М. Малер, «корни детских психозов, а также пограничных расстройств следует искать во второй половине первого года жизни и на втором году жизни в аутической, симбиотичной фазе и в фазе сепарации-индивидуации» (Малер, Мак-Девитт, 2005, с. 1).

В нормальной аутической фазе, которая продолжается с момента рождения примерно до месячного возраста, новорожденный действует на инстинктивном уровне. Задача матери – быть «внешним исполнительным Я ребенка», помогать ему в достижении гомеостаза посредством преимущественно физиологических механизмов.

Появление у ребенка способности к восприятию того, что удовлетворение и приятные переживания зависят от какого-то источника вне телесного Я, свидетельствует о переходе из аутической в симбиотическую фазу. Нормальная симбиотическая фаза описывает состояние слияния с ребенком с матерью, когда «Я» и «не-Я» еще не различимы. Симбиотическая фаза продолжается примерно от полутора до 5-6 месяцев. Этот термин характеризует тот этап жизни ребенка, когда только начинает обнаруживаться дифференциация его собственного Я от матери. На этой фазе у ребенка проявляется способность формировать эмоциональную привязанность к матери, которая является основой для всех его дальнейших взаимоотношений. Нормальное прохождение симбиотической фазы является предварительным условием для отделения ребенка от матери на последующей фазе сепарации-индивидуации, а также для дальнейшего развития идентичности.

Сепарация, по М. Малер – это процесс, в ходе которого младенец постепенно формирует внутриспсихическую репрезентацию себя, отличную от репрезентации его матери. Индивидуация же означает попытки младенца построить свою уникальную идентичность, осознать собственные индивидуальные характеристики. В этот период развития особенно важным становится адекватная эмоциональная открытость матери и аффективный контакт с ребенком, который для последнего выступает условием развития всех психических структур. Проблемы, возникающие на данном этапе развития, приводят к формированию пограничной организации личности (Мак-Вильямс, 1998, 78). Центральной проблемой пограничных личностей является проблема идентичности, связанная со сложностями в ощущении и описании своего собственного Я. Ранние проблемы дифференциации, обретения своего Я могут приводить к различного рода психопатологиям в период

взрослости: зависимому и созависимому поведению, депрессиям, психосоматическим нарушениям. В рамках клинических описаний мы имеем дело с оральным, симбиотическим либо нарциссическим характером (Джонсон, 2001).

Таким образом, на ранних фазах развития чрезвычайно важным является то, с какими главными объектами взаимодействовал ребенок, как он переживал контакты с ними, как они были интернализированы во внутренние образы и репрезентации. Нарушения взаимоотношений на этих этапах развития определяются как диадические, или довербальные. Согласно концепции М.Балинта, эти нарушения имеют дефицитарную природу и приводят к так называемому базисному дефекту (Балинт, 2002). Метафорически этот дефект можно сравнить с участком земли, на которой в дальнейшем строится дом. Даже если здание нашей идентичности на более поздних этапах развития строится из хорошего и прочного материала, то, что было раньше и глубже – болотистая почва под строением, подземная река, зыбучий песок – регулярно приводят к его оседанию и разрушению.

Сложности точного установления периода «сбоя» в отношениях матери и ребенка приводят к созданию различных теоретических моделей, которые проходят проверку в реальной психотерапевтической работе. Однако существуют готовые, практически архетипические истории, позволяющие проанализировать связь между характером взрослых нарушений и патологией в ранних детско-родительских отношениях. Именно они часто заставляют задуматься о решающем значении нарушений в диаде «мать – дитя» и семейных дисфункций в целом для понимания становления личности.

Ранние утраты

Для анализа сказки «Русалочка» вначале необходимо обратить внимание на семью, в которой выросла главная героиня. Эту семью можно описать как неполную (в нуклеарной семье отсутствует мать) и одновременно расширенную, так как вместе проживают представители трех поколений: отец, шесть его дочерей и его мать. Мужской персонаж, морской царь, «давным-давно овдовел». При этом, несмотря на свой статус, он больше не женился, и «хозяйством у него заправляла старуха мать». Термин «старуха» отсылает нас к идее о невозможности выполнять определенные женские функции, прежде всего – материнские. И действительно, она, с одной стороны – женщина умная, но, с другой – «очень гордая своим родом: она носила на хвосте целую дюжину устриц, тогда как вельможи имели право носить всего-навсего шесть. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, прежде всего потому, что очень любила своих маленьких внучек». Однако, несмотря на свои достоинства, бабушка не замечает очевидного: ее младшая внучка Русалочка является странным ребенком: слишком тихим, слишком задумчивым, слишком отличным от других сестер.

При анализе ранних объектных взаимоотношений Русалочки можно предположить, что смерть матери произошла вскоре после ее появления на свет. По-видимому, мы имеем дело с оральным характером (Джонсон, 2001). Исходя из истории развития Русалочки и ее актуальной характерологии, можно допустить, что она успешно прошла аутическую и симбиотическую фазу развития и смогла удовлетворить потребность в безопасности и первичной привязанности. Очевидно, у нее сложилось убеждение, что «мир не опасен. Я имею право на существование». Что касается орального характера, то он формируется при условии, что ребенок был принципиально желанным, тогда как потребности в эмоциональной привязанности не могли быть удовлетворены должным образом, в нашем случае – по причине утраты главного объекта привязанности – матери. Именно дефицит эмпатии, понимания чувств, желаний и переживаний девочки в раннем детстве привел к

формированию определенного типа личности. Ее потребности в близости, тактильном контакте, заботе, необходимые для развития, не были удовлетворены в должной мере. Она должна была демонстрировать независимое поведение, оставаясь в состоянии хронической нуждаемости в близких отношениях, поддержке и любви. Как следует из текста, Русалочка неконтактна, она предпочитает слушать истории бабушки и сестер, при этом сама проводит время в мечтах и фантазиях: «больше всего любила Русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе ба-бушке пришлось рассказать ей все, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных».

Инициация как кризис

Мир Русалочки – это мир ожидания чуда. Рассказы о жизни наверху побудили ее воображение, и, еще ни разу не видев этого мира, Русалочка уже знает, что она очень полюбит и тот мир, и людей, которые там живут. Этот мир – один из аспектов Запретного. Проникнуть туда можно только после того, как тебе исполнится 15 лет. Сестры-погодки Русалочки одна за другой поднимаются наверх и рассказывают о чудесах, которые они видели. Русалочке остается только ждать, когда же наступит тот самый день, когда она получит право покинуть дворец и плавать на поверхности моря. Получение этого права символизирует наступление нового этапа жизни, а подъем наверх является процедурой инициации.

Инициация (от лат. initiation – посвящение) в широком значении – любые обрядовые действия, сопровождающиеся и формально закрепляющие изменения социального статуса и социальной роли человека или группы людей в связи с вступлением в какое-либо корпоративное объединение или возведением в какую-либо социальную должность. Инициацию, которую предстоит пережить Русалочке, можно отнести к обрядам перехода (Ефимкина, 2006). Эти обряды связаны с перемещением индивида или группы людей в новую социальную категорию и приобретением нового социального статуса.

Любая инициация проходит на двух уровнях – внешнем и внутреннем. Внешний уровень проявляется в виде различных последовательных обрядовых действий, которые могут различаться в зависимости от вида, цели инициации, культурных традиций и др. В нашей сказке инициация дает возможность подниматься на поверхность моря. «Когда вам исполнится пятнадцать лет,— говорила бабушка,— вам тоже разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!» Подъем вызывает ассоциации с ростом, взрослением, переходом на качественно новый уровень восприятия мира. На шкале «девочка – девушка – женщина – старуха» этот переход определяет границу между детством и подростковым/юношеским возрастом.

Внутренний уровень инициации характеризуется появлением переживаний иницируемого в связи с его участием в инициации и обретении им нового статуса и новой идентичности. В таком значении инициация может рассматриваться как нормативный психологический кризис.

Термин «кризис» подчеркивает момент нарушения равновесия. Появляются новые потребности, начинается перестройка мотивационной сферы личности. Кризис – это состояние эмоционального и ментального стресса, требующее значительного изменения представлений о мире и о себе за короткий промежуток времени. Зачастую подобная ревизия представлений влечет за собой изменения в структуре личности. Эти изменения могут носить как позитивный, так и негативный характер.

Личность, находящаяся в кризисе, по определению не может оставаться прежней. Человеку в кризисном состоянии либо удастся встретиться с самим собой, с травмирующими обстоятельствами или воспоминаниями и превратить их в источник новых ресурсов и жизненных ценностей, либо не удастся осмыслить свой актуальный психотравмирующий опыт, и тогда он продолжает оперировать знакомыми, шаблонными категориями или использовать привычные модели приспособления.

При таком подходе кризисы представляются как чрезвычайно важные моменты жизненного пути личности. Кризисы – это «шансы жизни», точки роста, в которых происходит изменение Я человека, если рассматривать Я как живую самоорганизующуюся систему. Кризисы – это возможности для выбора новой формы Я, то есть для смены Я-идентичности. Кризисы знаменуют собой переход из одной стабильной фазы в другую, разрушение старого, отжившего и освобождение пространства для нового. Таким образом, неудовлетворенные потребности Русалочки, связанные с получением заботы и любви, вновь выходят на сцену ее внутреннего театра, а характер переживания кризиса позволит либо научиться осознавать и удовлетворять собственные потребности, либо усугубить уже имеющиеся проблемы.

Во время прохождения Русалочкой кризиса инициации происходит действие, которое ярко иллюстрирует ее личность.

«Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя!— сказала бабушка, вдовствующая королева.— Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестер!

И она надела Русалочке на голову венок из белых лилий,— каждый лепесток был половинкой жемчужины,— потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала восьми устрицам прицепиться к ее хвосту.

— Ой, как больно!— воскликнула Русалочка.

— Ради красоты и потерпеть не грех!— сказала старуха.

Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя Русалочка все эти уборы и тяжелый венок,— красные цветы из ее садика шли ей куда больше,— но она не посмела!

— Прощайте!— сказала она и легко и плавно, точно пузырек воздуха, поднялась на поверхность».

Депрессия и агрессия

Мы замечаем, что Русалочка испытывает боль, но не пытается ее облегчить. И дальше, на протяжении всей истории, она никогда не борется, не настаивает на своем, не требует того, что ей нужно. Это происходит потому, что Русалочка лишена контакта со своим Я и со своими желаниями. Кроме того, окружение не способно понимать Русалочку, поддерживать ее саму и отношения с ней. Возможно, если бы бабушке не нужно было воспитывать еще пятерых внучек и заниматься государственными делами, она заметила бы эмоциональные страдания Русалочки. Но бабушка занята формальными, социальными аспектами жизни внучки. Она не замечает ни ее потребностей, ни ее психологической боли. Русалочка, в свою очередь, интериоризировала такое отношение: она не осознает своих желаний и не умеет их выражать и удовлетворять, не способна строить глубокие

доверительные отношения с другими, просить о помощи и заботе.

Русалочка не осознает своей зависти и злости к уже повзрослевшим сестрам – она молча ждет своего пятнадцатилетия. Это происходит потому, что «оральный характер принципиально лишен контакта со своей агрессией и враждебностью» (Джонсон, 2001, с. 38). Она не смеет противоречить бабушке, не смеет заявлять о том, чего хочет... Ее типичное состояние можно описать как постоянную печаль: «депрессия используется в функции защитного подавления агрессии, враждебности» (Джонсон, 2001, с. 38).

М. Кляйн в своих работах предложила модель, описывающую корни депрессивных тревог в ранних отношениях ребенка со своей матерью. Ребенок, находясь в контакте с матерью, со временем начинает воспринимать ее как «хорошую мать»: как человека, который может сдерживать его страх и его разрушительность. Ведь мать заботится о нем и любит его. Одновременно часть злости ребенка проецируется на мать, которая в эти моменты воспринимается как «плохая». Со временем ребенок интроецирует «хорошую», сильную мать, научается справляться со своей агрессией, сдерживать свою деструктивность и меньше проецирует на нее свою враждебность. Но при этом его хорошие и плохие чувства переживаются так, будто они направлены к разным людям, он любит хорошую, заботливую мать и ненавидит плохую, покидающую, наказывающую его мать.

Когда наступает «момент истины», ребенок начинает понимать, что «плохая» и «хорошая» мать – это разные аспекты одного и того же человека. В этот момент ребенок сталкивается с переживанием, что мать, от которой он зависит и которую он любит – это та самая мать, которую он ненавидит и атакует. Понимание этих фактов бытия влечет за собой душевную боль и мучительные переживания. Ребенок начинает бояться, что его агрессивность и жадность «испортят» мать, истощат ее силы. Именно эту тревогу о безопасности и благополучии любимого человека М. Кляйн назвала депрессивной тревогой.

Как раз на этой стадии ребенок особенно нуждается в контакте с матерью. Ему необходимо убедиться, что, несмотря на проявления его враждебности, она по-прежнему любит его, заботится о нем, что с ней все в порядке. Только так он научится отличать фантазии и внутреннюю реальность, где мать может выступать как слабая и истощенная, от внешней реальности, где с ней все благополучно.

Депрессивные переживания ведут к появлению таких чувств, как вина, грусть, скорбь. Если эти чувства переносимы для ребенка, он начинает использовать их для изменений: старается быть заботливым, доставлять матери меньше хлопот, радовать ее своим поведением, контролировать проявления злости. Однако при этом злость никуда не исчезает – она просто сдерживается. Взрослея, ребенок получает множество возможностей для исправления причиненного матери вреда – как реального, так и существующего в фантазиях. Репарация (от лат. reparatio – восстановление, возобновление) приобретает различные формы: помощь матери, хорошая успеваемость в школе, примерное поведение. Желание произвести репарацию стимулирует развитие навыков, умений, интересов.

Таким образом, одна из задач, решаемых путем развития – это поиск ответа на вопрос: может ли выжить любовь, атакуемая ненавистью? Сомнения в своих хороших качествах ведут к разочарованию в себе и в возможности защитить любимый объект. Для того, чтобы избежать болезненных переживаний вины, дети и взрослые продолжают использовать такие защитные механизмы, как отщепление (я не чувствую злости), проекция (это они злятся и хотят разрушения), отрицание (я не такой) и др.

Что происходит, когда вышеописанные процессы прерываются, не дойдя до своего логического завершения? Мы видим это на примере Русалочки. Даже когда родитель на время покидает ребенка, последний злится и чувствует себя дискомфортно. В случае смерти матери на фазе сепарации-индивидуации привычный мир ребенка рушится. Мать не возвращается, а заместители не могут компенсировать ее утрату. Однако брошенный, разочарованный младенец все равно пытается адаптироваться к ситуации. Очевидно, что постоянные страдания, отчаяние и протест ничего не меняют и ведут к сильной психологической боли. Поэтому ребенок ищет компромисс, который позволяет ему выжить в ситуации отчаяния и хронического неудовлетворения потребностей. Когда ребенок сталкивается с невыносимыми переживаниями, он начинает подавлять свое Я, чтобы хоть как-то справиться с болью. Особенно травматично протекает этот процесс в ситуации, когда Я ребенка, его естественная аутоэкспрессия находятся в зачаточном состоянии. С.М. Джонсон говорит о том, что в случае орального характера ребенок формирует следующее убеждение: «Если я не буду ничего хотеть, то я не буду переживать фрустрацию... Если я вынужден страдать из-за моих потребностей, то я вообще перестану требовать» (Джонсон, 2001, с. 114).

Смерть матери, вероятно, привела Русалочку к неосознаваемым фантазиям о своей разрушительности, «плохости», деструктивности и опасности. Поэтому на протяжении всей истории Русалочка ни разу не проявляет агрессии к другим. Несинтегрированные аспекты «хорошей» и «плохой» частей матери героини не позволяют ей провести интеграцию собственного Я. Таким образом, у Русалочки формируется особый способ отношения к себе и к миру. Как и у других оральных личностей, у Русалочки «в поведении, взглядах и видимых чувствах будет проявляться полярность – тенденция к самозабвенному прилипанию к другим людям, страх одиночества и покинутости, а также весьма скромные навыки заботы о себе при одновременном нежелании выражать свои потребности и просить о помощи, чрезмерной заботливости по отношению к другим людям» (Джонсон, 2001, с. 112).

Репарация и защитные механизмы

В начале истории Русалочка дистанцирована от окружения. Она, скорее, наблюдает за жизнью, чем живет. Ее садик украшен статуей прекрасного мраморного мальчика, который, похоже, является замещающим объектом: тем, кого она может любить и любоваться без угрозы его утраты. Взрослея, она не меняется, и лишь инициация дает надежду на то, что Русалочка, пережив кризис, разрешит более ранние проблемы и обретет себя.

Долгожданное событие – возможность увидеть поверхность моря – принесло Русалочке огромное количество впечатлений. Шум, музыка, яркие краски и молодой красавец-принц, который просто околдовал нашу героиню, видевшую до этого лишь один мужской объект, не считая мраморного мальчика, своего отца. День подходит к концу, темнеет, но Русалочка «не может оторвать глаз от корабля и от красавца принца». Она взволнована, возбуждена, опьянена свободой и новыми возможностями. В это время погода начинает меняться, и через некоторое время над морем разражается буря! «Корабль стонал и скрипел, толстые доски трещали, волны перекатывались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль опрокинулся набок, и вода хлынула в трюм». Таким образом, первые впечатления, которые получает Русалочка после своей инициации, связаны с тем, что все прекрасное, все то, что ты только начинаешь любить, оказывается

разрушенным безжалостной стихией! У Русалочки уже был такой опыт – опыт утраты ее матери.

Именно поэтому такой необычной, с точки зрения общепринятых норм и правил, является «встреча» Русалочки с принцем. Традиционный вариант встречи, повсеместно представленный в жанрах сказки, мифах как отражении массового бытового сознания, предполагает спасение девушки героем-мужчиной, который для этого должен совершить ряд героических действий (убить Дракона, Кощея Бессмертного, Змея Горыныча и др.) В женском же бессознательном присутствует образ мужчины-спасателя. В нашем случае все происходит как раз наоборот, а именно: спасателем становится Русалочка. «Русалочка отыскала глазами принца и, когда корабль пошел ко дну, увидела, что принц погрузился в воду. Сначала Русалочка очень обрадовалась тому, что он попадет теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде и что он может приплыть во дворец ее отца только мертвым. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между бревнами и досками, совсем забывая, что они в любую минуту могут ее раздавить. Приходилось то нырять в самую глубину, то взлетать кверху вместе с волнами, но вот, наконец, она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил я не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а предельные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь Русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно». Итак, рискуя собственной жизнью, наша героиня бросается спасать принца. Русалочка начинает репарацию – однако из-за ряда причин в качестве материнского объекта теперь выступает принц.

Смещение и проецирование чувств, переживаний, желаний с одного человека (объекта) на другого – классическая «ошибка» нашего бессознательного. Утратив мать в младенчестве, Русалочка остается тем ребенком, который ищет заботу, тепло, любовь. Из-за действия защитных механизмов этим объектом оказывается принц. Поэтому Русалочка буквально с первого взгляда влюбляется и в самого принца, и в его мир. Она не сомневается, не раздумывает, с риском для жизни спасая незнакомого, впервые увиденного человека. И это не удивительно.

С одной стороны, не получив необходимого времени для «разворачивания» всех внутренних структур в контакте с матерью, она так и осталась ребенком, не различающим окончательно себя и объект. Травматически прерванный контакт с матерью привел к тому, что, физически взрослая, Русалочка во многом ведет себя по-детски, не осознавая своих действий и желаний. Она не понимает, что такое границы, и не имеет контакта со своей агрессивной частью, необходимой для их построения. Инициация, связанная с переходом на качественно новую ступень, не позволила разрешить ранние задачи развития, а лишь опять обострила старые травмы, а Русалочка так и не интегрировала свои импульсы, связанные с любовью и агрессией.

С другой стороны, в ее прежней жизни отсутствовали реальные мужчины и опыт контакта с ними, а о мире людей она слышала только из рассказов своей бабушки. Такая ситуация способствует активному фантазированию, построению идеального объекта. В условиях дефицита информации включаются механизмы проекции, «дистраивающие» реальный объект до уровня идеала. Мы имеем дело с одним из эффектов межличностного восприятия – приписыванием, точно зафиксированным в одной из некогда популярных песен – «я тебя слепила из того, что было, а потом что было, то и полюбила». В жизненном опыте Русалочки имеются лишь бабушкины рассказы о том, что находится на поверхности океана, да скульптура мраморного мальчика. Одна за другой всплывают на поверхность старшие сестры, и восторженно рассказывают о чудесах надводного мира. Неудивительно, что у Русалочки сложились очень высокие идеализированные ожидания и

в отношении земли, и живущих там людей. Она, как и Пушкинская Татьяна (тоже, кстати, жившая в условиях «эмоционально бедной среды» – в деревенской глуши), была готова к встрече со своим принцем – тем, кто вернет ей утраченный рай, кто будет ее любить так, как ее любила мама.

Вернемся к тексту Г.Х. Андерсена. «К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце опять засияло над водой, и его яркие лучи как будто вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его все еще не открывались. Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у нее в саду; она поцеловала его еще раз и пожелала, чтобы он остался жив».

Похоже, любовь Русалочки к матери, проецируемая на мраморного мальчика, теперь переместилась на принца. Русалочка, наконец, обрела того, кого она может любить и на чью взаимность она может надеяться.

Я и системы социальной поддержки

Однако, несмотря на совершенный подвиг, Русалочка становится «неизвестным героем». Принц приходит в себя тогда, когда Русалочка уже оставила его на берегу и уплыла. Очевидно, у Русалочки не получили достаточного развития навыки, связанные с самопредъявлением и заботой о себе. Людям с такой структурой характера присуща склонность удовлетворять потребности других людей, а не предъявлять свои. Русалочка лишь увидела, что «принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что она спасла ему жизнь! Грустно стало Русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала еще тише, еще задумчивее. Сестры спрашивали ее, что она видела в первый раз на поверхности моря, но она ничего им не рассказала».

Русалочка опять одна со своими фантазиями и переживаниями. Инициация не изменила ее, а лишь актуализировала старую травму. Она снова обрела и потеряла значимый объект. Несмотря на наличие отца, сестер и бабушки, она не имеет близкой подруги, с которой можно поделиться глубокими переживаниями и мечтами. Похоже, что отношения в семье достаточно формальны – никого не взволновало то, что девушка, до этого условно «сидевшая взаперти», пропала на всю ночь, а потом никому ничего не рассказала.

Депрессивное состояние Русалочки не проходит – оно усугубляется: «Часто и вечером и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как стаял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой с каждым разом все печальнее. Единственной отрадой было для нее сидеть в своем садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца, но за цветами она больше не ухаживала; они росли, как хотели, по тропинкам и на дорожках, переплелись своими стеблями и листьями с ветвями дерева, и в садике стало совсем темно».

Темнота в садике – метафора того, что происходит в душе Русалочки. У нее не хватает внутренних сил, она все глубже погружается в печаль и депрессию. Однако ей на время удается разрешить свой глубокий внутренний кризис, в очередной раз повторяющий историю раннего младенчества – обретение близости и ее потерю. На этот раз Русалочка

обращается за помощью к своей семье.

Семья – это источник как самых сильных травм, так и бесконечных ресурсов. Доверив свою историю одной из сестер, Русалочка получает опыт поддержки от значимых других. Сестры помогли Русалочке узнать, где находится королевство и дворец принца, и найти дорогу к объекту любви.

Дефицитарное Я и Невозможное

Сестер можно рассматривать как еще один аспект Я Русалочки, более адаптированный к реальности, более гибкий, способный на разные реакции, на выбор новых способов разрешения проблемы в тех ситуациях, когда старые не работают. Но Русалочка лишь ненадолго входит в контакт с этими аспектами своего Я. Это видно из текста: вместо реального взаимодействия с сестрами и с представителями подводного мира Русалочка начинает постоянно приплывать к берегу, смотреть на гуляющего или катающегося на лодке принца и все глубже погружаться в фантазии. «Не раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нем много хорошего, и Русалочка радовалась, что спасла ему жизнь, когда его, полумертвого, носила по волнам; она вспоминала, как его голова покоилась на ее груди и как нежно целовала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней, она ему и присниться не могла!» Она все сильнее влюбляется в созданный ею образ, ей все сложнее вернуться в свой реальный мир.

«Все больше и больше начинала Русалочка любить людей, все сильнее и сильнее тянуло ее к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем ее подводный; они могли ведь переплывать на своих кораблях море, взбираться на высокие горы к самым облакам, а их земля с лесами и полями тянулась далеко-далеко, ее и глазом не охватить!» Ее тянет к Невозможному, к тому миру, который она наблюдает как зритель и в котором ей нет места. Русалочка пытается понять этот мир, но окружающие ее сестры сами не владеют информацией, и ей вновь и вновь приходится расспрашивать бабушку:

«— Если люди не тонут, — спрашивала Русалочка, — то они живут вечно, не умирают, как мы?»

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живем триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену. Нам не дано бессмертной души, и мы никогда не воскресаем; мы — как тростник: вырвешь его с корнем, и он не зазеленеет вновь! У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живет вечно даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звездам! Как мы можем подняться со дна морского и увидеть землю, где живут люди, так и они могут подняться после смерти в неведомые блаженные страны, которых нам не видеть никогда!

— А почему у нас нет бессмертной души? — грустно спросила Русалочка. — Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо».

Здесь мы опять видим жертвенность Русалочки – она готова отдать всю себя за то, чтобы хоть немного побыть тем, кем не является. В терапевтических условиях это происходит с клиентами, которые не имеют представлений о своем Я, не знают себя и поэтому идеализируют внешние объекты. Задачей терапевта в этой ситуации является возвращение клиента к его переживаниям и чувствам по поводу своей идентичности. Зачастую клиенты

не понимают, чего хочет от них терапевт: переспрашивают, рассказывают о других людях или незначительных событиях, теряются... Предложение клиенту рассказать что-нибудь о себе, вопросы «Что Вы чувствуете, рассказывая мне о том, кто Вы и какой Вы человек», «Чего Вы хотите» и т.п. являются началом кропотливой работы по восстановлению Я клиента от тех ранних травм, которые нанесли такой сильный ущерб его психике. Однако бабушка Русалочки не является психотерапевтом и в ответ на сильное желание попасть на землю не пытается понять его истоки, а обесценивает его.

«— Вздор! Нечего и думать об этом!— сказала старуха.— Нам тут живется куда лучше, чем людям на земле!»

Бабушка не замечает границ между своим Я и Я Русалочки: ей достаточно хорошо живется в подводном мире, и она не видит и не осознает страданий внучки. Бабушка подчиняется правилам и законам, она горда собой и большое значение придает социальному статусу и его атрибутам. Воспитание таким человеком не способствует самопониманию, а обычно ведет к формированию симбиотической личности, не способной обнаруживать разницу между «Я» и «не-Я».

Однако Русалочка находится в кризисе и пробует продвинуться с той точки, на которой она находилась раньше, поэтому и пытается конфронтировать с бабушкой.

«—Значит, и я умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели я никак не могу обрести бессмертную душу?

— Можешь,— сказала бабушка,— если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дорожке отца и матери, если отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, твой рыбий хвост, например, люди находят безобразным; они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост».

«Возвращение души» возможно только благодаря терапии. В формате терапевтических отношений терапевт выполняет для клиента материнскую функцию, становясь для него «хорошей матерью» – безусловно принимающей, чувствительной, эмпатичной – именно такой, какой ему не хватало на ранних этапах развития. Но при этом он сохраняет терапевтическую позицию: «Он даст тебе душу и сохранит при себе свою». Это очень точная метафора терапевтических отношений. В реальных же отношениях «...этому не бывать никогда!». Не удовлетворив в контакте со значимыми близкими свои потребности, актуальные для конкретного периода развития (в нашем случае – потребности в привязанности), люди в течение всей жизни будут находиться в поиске таких идеальных отношений в надежде завершить ситуацию. Но сделать это действительно нереально, так как сложно представить, что твой партнер готов стать для тебя такой «матерью».

Однако Русалочка пытается найти такого партнера путем смены своей «русалочьей» идентичности на человеческую. Но мир людей для Русалочки – это мир Невозможного. Есть то, что мы не можем изменить, и то, что нам необходимо принять. Это наш пол и наш возраст. Именно с принятием этого факта мы принимаем реальность и существующие

в ней границы между полами и поколениями. Для Русалочки к миру Невозможного относится еще и строение тела. Она отличается от людей – ниже талии у нее хвост, а не две ноги, как у обычного человека. Она прекрасна в своем мире, но ей этого мало. Бабушка говорит ей прямо: то, чем ты обладаешь, в мире людей считается некрасивым, но Русалочка не слышит свою бабушку. Чарующий и манящий мир людей овладел ее душой. Она не может думать ни о чем другом – только о Невозможном, о том, что имеет непреодолимую границу, наличие которой она не хочет замечать и признавать.

Мать и ведьма

Вечером во дворце, где живет Русалочка, проходит бал. Однако все великолепие, все краски подводного мира не радуют Русалочку. Одержимая одной идеей, одной мыслью, Русалочка находится в своих переживаниях. На время она отвлекается: «Посреди залы вода струилась широким потоком, и в нем танцевали водяные и русалки под свое чудное пение. Таких звучных, нежных голосов не бывает у людей. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело при мысли о том, что ни у кого и нигде, ни в море, ни на земле, нет такого чудесного голоса, как у нее; но потом она опять начала думать о надводном мире, о прекрасном принце, и ей стало грустно, что у нее нет бессмертной души».

У Русалочки есть признанная красота, прекрасный голос, но ее это не радует. Она мечтает о Невозможном – о том, чего у нее нет, и не способна ценить то, чем обладает. Как все оральные личности, Русалочка не самодостаточна. Ее отношение к миру может измениться только в ситуации обретения объекта зависимости, когда «дыры», дефицит в ее Я, метафорически описываемый как отсутствие души, заполнит кто-то другой. Земной человек, то есть живущий в другой стихии, обладающий твердой почвой под ногами, должен поделиться с Русалочкой частицей своей души, своего Я. И только тогда она обретет шанс стать полноценной и самодостаточной, способной получать радость и удовольствие от жизни.

Поэтому ничто не радует Русалочку, и она уходит с веселого праздника. «Она незаметно ускользнула из дворца, и, пока там пели и веселились, печально сидела в своем садике. Вдруг сверху до нее донеслись звуки валторн, и она подумала: «Вот он опять катается на лодке! Как я люблю его! Больше, чем отца и мать! Я принадлежу ему всем сердцем, всеми своими помыслами, ему я бы охотно вручила счастье всей моей жизни! На все бы я пошла — только бы быть с ним и обрести бессмертную душу! Пока сестры танцуют в отцовском дворце, поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась ее, но, может быть, она что-нибудь посоветует или как-нибудь поможет мне!»

Итак, находясь в отчаянии, неспособная рационально размышлять, Русалочка принимает импульсивное решение – обратиться за помощью к ведьме. Все ее мечты и замыслы сконцентрированы на обретении души – своего Я – путем вручения себя и своей жизни принцу. Русалочка ни разу не пытается помыслить критически – она действует как одержимая. Вся ее жизненная энергия, все ее помыслы, фантазии, планы обращены к принцу, ставшему воплощением ее дефицитарной потребности в близких отношениях, которые позволят «дорости», «дозреть» структурам, не получившим должного развития в травматически прерванном контакте с матерью.

«И Русалочка поплыла из своего садика к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей еще ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже

трава — кругом только голый серый песок; вода в водоворотах бурлила и шумела, как под мельничными колесами, и увлекала за собой в глубину все, что только встречала на пути. Русалочке пришлось плыть как раз между такими бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до ее жилья, окруженного диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нем росли полипы, полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, торчащих прямо из песка; ветви их были подобны длинным ослизлым рукам с пальцами, извивающимися, как черви; полипы ни на минуту не переставали шевелить всеми своими сочленениями, от корня до самой верхушки, они хватили гибкими пальцами все, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали. Русалочка испуганно приостановилась, сердечко ее забило от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся пальцы. Она видела, как крепко, точно железными клещами, держали они своими пальцами все, что удавалось им схватить: белые скелеты утонувших людей, кора-белые рули, ящики, кости животных, даже одну русалочку. Полипы поймали и задушили ее. Это было страшнее всего!»

Эта часть истории пронизана страхом. В задушенной полипами русалочке видна аллюзия на невозможность для нашей героини вырваться из своего привычного мира, перейти границу. С одной стороны, у героини существует сильное желание измениться, а с другой — не менее сильный страх умереть.

О. Ранк считал, что в человеческой жизни присутствуют всего две формы страха, источником которых является первичная травма рождения: страх перед жизнью и страх перед смертью. Первый — страх жизни — связан с опасностями реальности, с выходом в мир из материнского тела, с самостоятельностью, одиночеством, выбором, необходимостью обретения своего Я. Вторым страх — страх смерти — напоминает каждому человеку о его предназначении и о постоянной опасности не обрести подлинную идентичность, прожить чужую жизнь вместо своей, не успеть стать самим собой. Таким образом, страх смерти служит надежным стимулом, заставляющим человека реализовывать свой жизненный замысел. Лучший способ пережить этот страх — не убежать от него путем использования различных защитных механизмов, а осознать, что за ним скрывается. Все агрессивные и аутоагрессивные действия, которые происходят на протяжении истории, обусловлены попытками Русалочки найти себя и страхом, что она умрет, так и не обретя свое Я. Однако не осознающая своих желаний, опасений и тревог Русалочка пытается защититься. В попытке обрести себя Русалочка использует следующие защитные механизмы:

идентификация — приписывание другим людям собственной идентичности, заимствование идентичности у других или слияние идентичности собственной и чужой (попытки стать девушкой путем отказа от своей «русалочьей» идентичности);

перенесение — процесс, при котором чувства переносятся с одного объекта на другой, который становится заменителем первоначального объекта (мать — мраморный мальчик — принц);

инверсия — обращение чувств, мыслей, желаний в их противоположность (боль при ходьбе превращается в смех и радость от общения с принцем);

обращение против себя — перенаправление негативного аффекта, относящегося к

внешнему объекту, на себя (агрессия к принцу трансформируется в аутоагрессию).

Все это – защиты орального характера. Мечтая соединиться, слиться с принцем, Русалочка рискует своей жизнью, испытывает боль и ужас, но продолжает упорно идти к своей цели. Другой человек имеет для Русалочки гораздо большую ценность, чем она сама, потому что у героини есть иллюзия, что только через другого она сможет обрести саму себя. Таким образом, витальная задача обретения себя осуществляется очень «кривым» способом – через попытку слияния, идентификации с другим. Остановившаяся в своем развитии, Русалочка не способна «перескочить» через ступеньку и пытается вернуться к симбиотической фазе. Похоже, только после ее прохождения возможно перейти к этапу сепарации-индивидуации, поэтому все попытки найти себя обречены на неудачу без проживания этапа близости и взаимопонимания. Однако Русалочка об этом не знает – и поэтому верит в помощь ведьмы.

«Но вот она (Русалочка) очутилась на скользкой лесной поляне... Посреди поляны был выстроен дом из белых человеческих костей; тут же сидела сама морская ведьма и кормила изо рта жабу, как люди кормят сахаром маленьких канареек. Омерзительных ужей она звала своими цыплятками и позволяла им ползать по своей большой ноздреватой, как губка, груди».

Морская ведьма, эквивалент Бабы-Яги в славянских сказках – один из самых ярких женских образов. В. Даль писал, что Баба-Яга – «род ведьмы или злой дух под личиной безобразной старухи». Морская ведьма, отталкивающего вида божество, обладает обширной властью. Полипы, дом из человеческих костей – все это атрибуты границы между царством живых и царством мертвых. Ведьма принадлежит обоим мирам – именно поэтому Русалочка надеется, что она поможет ей попасть в мир людей. Обычно ведьма испытывает героев, помогая лишь тем, кто выдержал испытания. Испытанием является уже само путешествие к ее дому, опасное и угрожающее самому существованию. Другая русалочка, которую поймали и задушили полипы – напоминание о том, что наша жизнь конечна.

Интересно, что в славянских сказках в обрядах инициации и посвящения (на лопату – и в печь) Баба-Яга выступает для подростков еще и как проводник в мир взрослых. Русалочка же обращается к Ведьме за пропуском в мир Невозможного.

Образ Ведьмы олицетворяет материнскую бессознательную стихию, злую, «плохую» Мать. Интерес вызывает тот факт, что Ведьма, по сути, является единственной матерью Русалочки. Остальные родительские объекты или не способны заботиться о ней, как бабушка, или просто отсутствуют в ее жизни, как отец. Из двух возможностей – не иметь никакой матери или иметь плохую – Русалочка выбирает вторую, потому что, несмотря на все негативные аспекты, ведьма готова помочь Русалочке.

«Знаю, знаю, зачем ты пришла!— сказала Русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я все-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица! Ты хочешь отделаться от своего хвоста и получить вместо него две подпорки, чтобы ходить, как люди; хочешь, чтобы молодой принц полюбил тебя, а ты получила бы бессмертную душу!».

Ведьма выступает в данной истории качестве материнского объекта, она знает и понимает, чего хочет ребенок, но не объясняет ему, почему это желание не нужно удовлетворять. Ведьма – это садистическая мать, которая, в отличие от ребенка, вполне способна оценить последствия его аутодеструктивных намерений. Тем не менее, она

готова поддержать его в таком саморазрушающем поведении. Ведьма воплощает агрессивные импульсы, которые необходимы для построения границ, утверждения своего Я. Однако если Ведьма не уравновешена «хорошей матерью», одержимый внутренней ведьмой человек будет крайне разрушительным – для других или для себя.

Очевидно, когда у ребенка еще не сформирована зрелая способность совершать выбор, он нуждается в такой матери, которая может объяснять ему, как правильно поступать, не поддерживая его разрушительных и саморазрушительных намерений; в матери, способной контейнировать его страх и ярость. Чем старше ребенок, тем сложнее удерживать его путем объяснений и уговоров от различных неадекватных, с точки зрения социума, действий. В норме у ребенка со временем формируются внутренние «удерживающие» структуры: вина, стыд, совесть. Русалочка, лишенная в детстве контакта с заботливой, принимающей и понимающей матерью, не обладает такими зрелыми внутренними структурными компонентами и способна взаимодействовать лишь с внутренней Ведьмой – объектом, состоящим из интроецированной негативной части материнского образа. Это злая, отнимающая, разрушающая и поглощающая мать. Но у Русалочки нет другой матери, и поэтому все, что делает реальная Ведьма, принимается ею как должное.

«Ну ладно, ты пришла в самое время!— продолжала ведьма.— ...Я изготовлю тебе питье, ты возьмешь его, поплывешь с ним к берегу еще до восхода солнца, сядешь там и выпьешь все до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они еще не встречали! Ты сохранишь свою плавную, скользящую походку — ни одна танцовщица не сравнится с тобой; но помни, что ты будешь ступать как по лезвию ножа и изранишь свои ножки в кровь. Вытерпишь все это? Тогда я помогу тебе.

— Да!— сказала Русалочка дрожащим голосом и подумала о принце и о бессмертной душе».

Русалочка не думает о себе – она не осознает себя как отдельную личность, имеющую ценность, право на то, чтобы быть особенной. Она думает о другом – о принце, и о том, чего у нее нет, но есть у людей – о душе.

«Помни,— сказала ведьма,— что раз ты примешь человеческий облик, тебе уже не сделаться вновь русалкой! Не видать тебе ни морского дна, ни отцовского дома, ни сестер! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарей после его женитьбы на другой твое сердце разорвется на части, и ты станешь пеной морской!

— Пусть!— сказала Русалочка и побледнела как смерть».

Ведьма пытается рассказать Русалочке об опасных последствиях такого выбора, но ее уже невозможно остановить. Диффузная идентичность Русалочки содержит интериоризированные аспекты злой разрушающей матери, и она относится к себе с крайним пренебрежением и безразличием к своей дальнейшей судьбе.

Мать определяет образ мира. Отсутствие души у Русалочки символизирует еще и ее собственное отсутствие, слабость, хрупкость в этом мире. В терминах психотерапии отсутствие души можно определить как несформированную идентичность. Ребенок – это

открытая система, постоянно вступающая во взаимодействия с внешним миром. Путем этих взаимодействий ребенок создает собственный внутренний мир, мир своего Я. В дальнейшем процессе индивидуации ребенок строит собственную идентичность. Он начинает воспринимать себя как отличного от других. Если в развитии происходит «сбой», у ребенка сохраняется иллюзия слияния с архаическим образом матери своего раннего детства. Идентичность не формируется, что переживается ребенком как чувство внутренней опустошенности.

Функция матери в этом процессе – выступать, с одной стороны, в роли щита против разрушительных для ребенка стимулов, с другой – в качестве посредника, декодирующего сообщения ребенка и дающего на них адекватные ответы. Образ матери в восприятии ребенка зависит от ее способности модифицировать физическую или психологическую боль. Когда ребенок болен, испуган, обижен или рассержен, он ничего не может сделать с этими состояниями. Мать выступает в роли объекта, способного принести ему спокойствие и облегчить страдания.

Если отношения между матерью и младенцем «достаточно хорошие», в его сознании из первоначальной телесно-психической матрицы (термин П. Макдугалл) начинает дифференцироваться образ себя и образ матери. Ребенок, используя различные процессы интернализации (инкорпорация, интроекция, идентификация) будет конструировать образ матери как успокаивающей, заботящейся, способной контейнировать его эмоции. Эти представления являются основой его Я.

В том случае, когда у ребенка нет возможности создавать образ успокаивающей и опекающей его матери, идентифицироваться с этой «внутренней» матерью, отсутствие внутренней защищающей фигуры сохраняется и во взрослой жизни. Образ матери в таких случаях может быть расщепленным.

С одной стороны, существует идеализированный и недостижимый образ всемогущей матери, которая может помочь в любой ситуации и удовлетворить любое его желание. Ребенок пытается найти эту «идеальную мать», проецируя желаемые качества на объекты привязанности уже во взрослой жизни. Для Русалочки таким объектом становится принц.

С другой стороны, у ребенка имеется также образ отвергающей, наказывающей, плохой матери, в нашей истории – это образ ведьмы. Если он преобладает, по мере взросления ребенок начинает идентифицироваться с этими аспектами и относиться к себе точно так же, как «плохая» внутренняя мать. В ситуации, когда отец ребенка играет незаметную роль в его жизни и представлен в его внутреннем мире как человек, безразличный к его детскому существованию (что мы и видим в истории Андерсена), то такой ребенок впоследствии будет действовать как ужасающе невнимательный родитель по отношению к самому себе. Взрослея, такие люди имеют тенденцию или заботиться о других или ищут аддиктивное замещение, чтобы компенсировать причиненный им вред. Безразличное и деструктивное самоотношение Русалочки – следствие утраты любящей матери и жизни с безучастным отцом.

Внутренняя ведьма, аутоагрессия и алекситимия

Когда ведьма заявляет Русалочке, что та должна заплатить ей за помощь, у читателя могут возникнуть переживания жалости к героине и желание остановить, удержать ее от безрассудного поступка. Ведьма сообщает Русалочке: «У тебя чудный голос, и им ты думаешь обворожить принца, но ты должна отдать этот голос мне. Я возьму за свой бесценный напиток самое лучшее, что есть у тебя: ведь я должна примешать к напитку

свою собственную кровь, чтобы он стал остер, как лезвие меча.

— Если ты возьмешь мой голос, что же останется мне?— спросила Русалочка.

— Твое прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покоришь человеческое сердце! Ну, полно, не бойся; высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала Русалочка, и ведьма поставила на огонь котел, чтобы сварить питье...

— Бери! — сказала ведьма, отдавая Русалочке напиток; и Русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить!»

Русалочка жертвует тем, чем она реально обладает — своим прекрасным голосом, чтобы справиться с депрессией, обусловленной фрустрацией потребностей в близости, заботе, любви. Фрейд указывал, что «печаль является всегда реакцией на потерю любимого человека или заменившего его отвлеченного понятия, как отечество, свобода, идеал и т.п. (Фрейд, 2002, с. 13). Ранняя утрата матери — утрата своей «хорошей части» — утрата голоса являются взаимосвязанными и взаимопереходящими процессами. Постоянные жертвы, которые Русалочка приносит по ходу истории, обусловлены ее сильным желанием принадлежности, бытия вместе для заполнения «пустот» в душе. Недифференцированность Я ведет к невозможности отличать хорошее и плохое, настоящее и фальшивое. Так, Русалочка, сердце которой готово разорваться от тоски и печали, не смеет войти в отцовский дом. Вместо того, чтобы просить о помощи, говорить о своей боли и надежде, она лишь срывает по цветку с грядки каждой сестры, посылает родным воздушные поцелуи и поднимается на поверхность моря.

Похоже, душевная боль Русалочки так велика, что физическая не идет с ней в сравнение. Выпив напиток, она теряет сознание, а очнувшись, обнаруживает, что с ней произошло обещанное превращение: вместо хвоста у нее две ноги, как у обычного человека. Однако, получив Невозможное, Русалочка не перестает страдать, только к психологической боли добавляется физическая. «Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял Русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем легкая, как пузырек воздуха; принц и все окружающие только дивились ее чудной, скользкой походке».

Анализируя сказку, необходимо остановиться на том, что же символизирует хвост. С одной стороны, это — необходимый атрибут принадлежности к водной стихии. Именно из-за хвоста Русалочка похожа не только на обычную девушку, но еще и на рыбу.

В переводе на язык метафор «рыбой» называют холодную, сексуально замороженную женщину. И это очень точно подмечено: Русалочка — не женщина, она — ребенок. Ее сексуальность не проснулась, и поэтому она остается целомудренной на протяжении всей сказки. Внешнее изменение — превращение хвоста в пару ног — не привело к изменениям внутренним.

В последнее время мы все чаще встречаемся с ситуацией, когда в поисках своего духовного Я люди пытаются изменить Я телесное. Рост популярности пластической хирургии, появление передач и сериалов, пропагандирующих изменения своей телесности

(«Доктор Голливуд», «Страшно красивые» и т.п.) – это отражение желания справиться с внутренней пустотой путем модификации физической оболочки. Однако такая трансформация обычно не приносит желаемого результата. Так, Русалочка обрела то, к чему так стремилась: она находится рядом с принцем. Но теперь она немая и не может разговаривать. Немота – это отражение «пустот» в ее идентичности, которые невозможно заполнить без контакта с внутренними, духовными (не телесными) аспектами своего Я. Немота также отражает невозможность Русалочки говорить о своих чувствах. Именно в этот момент особенно ярко обнаруживается ее алекситимия.

Под алекситимией обычно подразумевается неспособность понимать и объяснять другим свои переживания и состояния, а также сложность дифференциации себя от симбиотического партнера. Характеристикой алекситимии является плохое понимание аффектов и невозможность их вербализации. Чувства и эмоции утрачивают свои сигнальные функции, что приводит к неэффективности коммуникации. Психосоматические пациенты, к примеру, зачастую игнорируют сигналы о соматическом либо психическом неблагополучии, что внешне проявляется в сдержанности, застывших позах, «деревянном» выражении лица. Русалочка демонстрирует алекситимию на протяжении всей второй части истории: каждый шаг причиняет ей боль, но она терпеливо сносит ее. «...Русалочка все танцевала и танцевала, хотя каждый раз, как только ноги ее касались земли, ей было так больно, будто она ступала по острым ножам. ... они взбирались на высокие горы, и хотя из ее ног сочилась кровь и все видели это, она смеялась и продолжала следовать за принцем на самые вершины...».

Для алекситимиков характерно конкретное мышление, и они могут казаться приспособленными к требованиям реальности. Однако во время психотерапии их когнитивные нарушения становятся очевидными: в целом им недостает воображения, интуиции, эмпатии и направленной на удовлетворение влечений фантазии. Они ориентируются, прежде всего, на вещественный мир, а к себе относятся как к механизмам, неодушевленным предметам.

Из-за нарушений коммуникации, которая явилась следствием алекситимии Русалочки, принц так и не узнает в ней свою спасительницу. Она лишь смотрит на него своими прекрасными глазами – но ничего не говорит. Он же относится к Русалочке лишь как к ребенку, которым, она, в сущности, и продолжает оставаться. Ребенком, который готов пожертвовать собой, игнорировать свою боль, лишь бы только находиться рядом с дорогим для него объектом. «Оральный характер знает, как ждать, как тосковать по кому-то, кто принесет любовь, и когда найдет благодетеля, то прильнет к нему изо всех сил, чтобы никогда больше не испытывать одиночества» (Джонсон, 2001).

На пути к Я

Однако Принц и Русалочка по определению не могут быть вместе. Они – представители разных стихий. Вода и земля – метафора разных уровней организации личности. Вода нестабильна, текуча, в ней можно растворять – растворяться... Земля – устойчива, на нее можно опираться, на ней можно вырастать... Известно, что пары образуют люди со схожим уровнем организации. Очевидно, что патология Русалочки более выражена – ей свойственны диффузная идентичность, зависимые тенденции, склонность к депрессии, как результат аутоагрессии, алекситимия... Русалочка, представитель водной стихии, не может одномоментно стать другой – устойчивой, уверенной земной женщиной. Являясь в истории зрелой девушкой, она остается ребенком в плане психологического возраста, что

подчеркивается характером любви к ней принца: «он любил ее только как милое, доброе дитя, сделать нее ее своей женой и королевой ему и в голову не приходило». Инициация, которую проходила Русалочка, в норме позволяет девочке-ребенку перейти в другую социальную страту – страту девушек-невест. Нормативной задачей Русалочки на этом этапе является поиск подходящего партнера, а вершиной, знаменующей новый виток развития – свадьба и переход в категорию женщин. Но Русалочка не прошла испытание и не стала невестой. Почему? Ответ прост: она – все еще маленький ребенок, и ей важно находиться в слиянии с «материнским» объектом. «Нормальная симбиотическая фаза является предварительным условием для отделения ребенка от матери в последующей фазе сепарации-индивидуации. Оптимальный человеческий симбиоз имеет исключительно важное значение для перемен в индивидуации и для появления катектически устойчивого "ощущения идентичности"» (Малер, Мак-Девитт, 2005, с. 4).

Принц проводит много времени вместе с Русалочкой, тепло к ней относится, но не рассматривает ее в качестве сексуального объекта, целуя ее по-родительски в лоб. Принц – зрелый мужчина, он собирается встретиться с другой девушкой, но он еще не уверен, что сможет ее полюбить, и дает Русалочке ложные надежды. А Русалочка, для которой свадьба принца с другой означает смерть, лишь тяжело вздыхает и думает: «Я же нахожусь возле него, вижу его каждый день, могу ухаживать за ним, любить его, отдать за него жизнь!» Не пройдя инициацию, она остается ребенком, потому что дети еще не понимают, что такое смерть, и не знают о ее необратимости.

Когда принц встречается с дочерью короля из соседнего королевства, он тоже совершает ошибку – он принимает за своего спасителя именно ее, а не Русалочку. И это не случайно: он находит себе подходящую пару и по возрасту и по происхождению. Это земная девушка, дочь короля из соседнего государства. Русалочка – тоже принцесса и дочь короля, но они с принцем не ровня: ведь ему нужна взрослая, зрелая девушка. То, что невеста принца воспитывалась в монастыре, подчеркивает аспект духовности, необходимый для близости в паре. Русалочка лишена души – она лишь пытается создать подходящую внешнюю оболочку, подвергая свое тело боли и страданиям, но внутри остается маленьким ребенком. Она только выглядит как девушка, но ее эмоциональный, ментальный возраст не соответствует физическим данным.

Встретив подходящую девушку, принц сообщает Русалочке, что он очень счастлив: «То, о чем я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!» И вновь Русалочка реагирует как алекситимик: «Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце ее вот-вот разорвется от боли: его свадьба ведь убьет ее, превратит в морскую пену!» Испытывая сильную боль внутри, внешне она демонстрирует радость и принятие. Ребенок, который прячет и подавляет свои чувства, готов умереть, потому что для него важнее всего то, что объект ее любви находится рядом. Подавленная агрессия превращается в аутоагрессию и разрушает Русалочку изнутри. Но даже зная, что на рассвете она умрет, Русалочка думает не о себе, а о том, что «лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она оставила родных и отцовский дом, отдала свой чудный голос и ежедневно терпела невыносимые мучения, о которых он и не догадывался. Лишь эту ночь оставалось ей дышать одним воздухом с ним, видеть синее море и звездное небо, а там наступит для нее вечная ночь, без мыслей, без сновидений». Лишенная контакта со своей агрессией, она лишается аутоэкспрессии, желаний и возможности отстаивать свое право на жизнь.

В этот момент помочь Русалочке пытаются ее сестры. Они остригли и отдали ведьме свои волосы, символ женской красоты и привлекательности, в обмен на нож – оружие, которое может спасти Русалочку, если она убьет принца. «Прежде чем взойдет солнце, ты должна

вонзить его в сердце принца, и когда теплая кровь его брызнет тебе на ноги, они опять срastутся в рыбий хвост и ты снова станешь русалкой, спустишься к нам в море и проживешь свои триста лет, прежде чем превратишься в соленую морскую пену. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца!» Данный текст иллюстрирует феномен диффузной, несинтегрированной идентичности Русалочки. Сестер можно рассматривать как отщепленные агрессивные аспекты Я Русалочки, которые готовы разрушить объект своей любви. Мы опять сталкиваемся с тем этапом в развитии ребенка, когда он понимает, что его деструктивные импульсы направлены на того самого человека, который является самым значимым и важным в его жизни.

Итак, мы вновь видим, что ранние травмы и нарушения Русалочки глубоки и болезненны. Интенция к разрушению принца находится в борьбе с любовью к нему. Русалочка опять вынуждена решать прежнюю задачу: выживет ли ее любовь, атакуемая ненавистью? Некоторое время она находится в колебаниях, однако понимает, что не готова продолжать жить, заплатив за это жизнью любимого человека. Опять оказаться в одиночестве, разрушив принца, для нее эквивалентно или даже хуже смерти. Цена слишком высока — поэтому Русалочка смотрит последним взглядом на принца и бросается в воду, где через мгновение превращается в морскую пену.

Таким в очередной раз болезненным способом совершается дифференциация Русалочки от объекта своей любви. В реальности мы часто встречаем людей, которые фигурально и буквально умирают, утратив симбиотического партнера. Однако мы имеем дело со сказочной историей, в которой есть продолжение.

Русалочка замечает, что она отделяется от морской пены и поднимается вверх. Перейдя в другое состояние, она теряет телесность, но опять обретает голос. Похоже, мы сталкиваемся с очередным кризисом в жизни Русалочки — кризисом, благодаря которому она обретает новые качества, новые способности, новый взгляд на мир и новое Я. Однако это Я гораздо ближе к реальности, потому что это детское Я, которому судьба дает еще один шанс прожить травматические эпизоды развития.

«К кому я иду?— спросила Русалочка, поднимаясь в воздухе, и ее голос звучал такую дивную музыкой, какой не в силах передать земные звуки.

— К дочерям воздуха!— ответили ей воздушные создания.— У русалки нет бессмертной души, и обрести ее она может, только если ее полюбит человек. Ее вечное существование зависит от чужой воли. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить ее добрыми делами... Пройдет триста лет, во время которых мы будем усиленно творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу и сможем изведать вечное блаженство, доступное людям. Ты, водная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь добрыми делами заслужить себе бессмертную душу и обрести ее через триста лет!

И Русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слезы».

Слезы на глазах — это обретение чувствительности, контакта со своим детским, одиноким и страдающим Я. Оплакивание того, на что уже нет надежды — любви матери, любви принца, возможности быть человеком — позволяет обрести согласие между Запретным и Невозможным (Н. Макдугалл) благодаря процессу репарации.

Русалочка перестает быть одинокой: она встречает таких же, как и она сама, созданий. Они понимают ее, они объясняют ей то, что с ней происходило, они принимают ее (буквально – в свои ряды), они зовут ее вместе с собой подняться и творить добро. Это символизирует переход на качественно новую ступень развития. Ее отказ разрушить принца как объект любви дал возможность переработать произошедшее и придать смысл страданиям. Если после смерти матери Русалочка осталась в депрессии, расщеплении и одиночестве, то здесь ей представляется возможность совершить репарацию и заслужить при помощи добрых дел бессмертную душу – обрести подлинное Я.

Несмотря на грусть, которую вызывает сказка, у нее жизнеутверждающее завершение. «На корабле за это время все опять пришло в движение, и Русалочка увидела, как принц с женой ищут ее». Она видит, что ее ищут, значит, она важна, небезразлична принцу. Русалочка не нанесла объекту любви никакого ущерба, он жив и здоров. «Невидимая, поцеловала русалочка красавицу (жену принца) в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими дочерьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе».

Русалочка может, наконец, повзрослеть: сепарироваться от принца, принять себя и начать путь своей индивидуации. Эта сказка дает надежду на то, что даже очень глубокие травмы, связанные с утратой значимого объекта на фазе сепарации-индивидуации, можно разрешить в психотерапии путем глубинной проработки всех переживаний, фантазий и желаний клиента, позволяющих пройти болезненный, но необходимый путь интеграции агрессивных и либидинозных аспектов своего Я.

Список использованных источников

1. Балинт, М. (2002). Базисный дефект. Терапевтические аспекты регрессии. – М.: «Когито-Центр».
2. Боулби, Дж. (2004). Создание и разрушение эмоциональных связей. – М.: Академический проект.
3. Джонсон, С.М. (2001). Психотерапия характера. – М.: Центр психологической культуры.
4. Ефимкина, Р.П. (2006). Пробуждение спящей красавицы. Психологическая инициация женщины в волшебных сказках. Монография. – СПб.: Речь.
5. Кляйн, М. «Любовь, вина и репарация» и другие работы 1929-1942 годов (2007). Психоаналитические труды: В VI т. – Т. II.
6. Макдугалл, Н. (2002). Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене/ Н. Мак-Дугалл. – СПб.: Изд-во ВЕИП.
7. Макс-Вильямс, Н. (1998). Психоаналитическая диагностика: понимание структуры личности в клиническом процессе. – М.: Независимая фирма «Класс».
8. Малер, М., Мак-Девитт, Дж.Б. (2005). Процесс сепарации-индивидуации и формирование идентичности // Журнал практической психологии и психоанализа [Электронный ресурс]. – № 2. – Режим доступа: <http://psyjournal.ru/j3p/vol.php?id=200502>. Дата доступа: 17.02.2009
9. Ранк, О. Миф о рождении героя (1997). - М.: «Рефл-бук», «Ваклер».

10. Тайсон Р., Тайсон Ф. (1998). Психоаналитические теории развития / Р. Тайсон, Ф. Тайсон. –Екатеринбург: Деловая книга.
11. Фрейд, З. (2002). Скорбь и меланхолия // Вестник психоанализа, № 1. – С. 13-30.

РЕЗЮМЕ

В статье на примере сказки Г.Х. Андерсена «Русалочка» проанализировано влияние ранних объектных отношений на развитие Я. Рассматривая жизненный путь героини, авторы акцентируют внимание на взаимосвязи между утратой матери на фазе сепарации-индивидуации и характером ее отношений со значимыми другими. Подчеркивается значимость психотерапии по восстановлению дефицитарных структур Я в работе с такого рода пациентами.

Наталья Олифирович

Опубликовано на сайте: 9 марта 2010, 5663 просмотра

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ